

Элла Бачинская

Велихан

рассказы о любви

12+

Элла Валерьевна Бачинская

Велихан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56564988

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказы про абсурдность мира с надеждой на лучшее. Оставляют горькое послевкусие и легкую печаль.

Содержание

Держи спину	4
Велихан	12
Двое на крыше	19

Держи спину

За каждой сильной женщиной стоит слабый мужчина, даже если этот мужчина – отец.

– Держи спину ровно – постоянно твердила ей мать. – Не забывай, детка, мы княжеских кровей. Чтобы не случилось, всегда держи спину.

Анника Вержинская – красавица со статью царицы всегда помнила про графское происхождение и подчеркивала это при любой возможности. Миловидная женщина с правильными чертами лица, потрясающими ногами, легкой походкой. При ходьбе она высоко держит голову. Умная, жесткая, резкая в суждениях и не терпящая глупцов. Глупые и слабые люди у нее вызывают неприятие на физическом уровне. Она смотрит на них презрительно и не скрывает своей брезгливости, настолько ей отвратна человеческая глупость и слабость. А еще она называет глупых людей добрыми. Тут у нее своя личная, на её взгляд, стройная теория. Она считает, что умный человек по определению не может быть добрым.

Жесткий тип характера у особ женского пола формируется по разным причинам, но чаще всего его истоки начинаются с психологических травм, полученных в детстве.

Папа называл маму Витуля, Витуся... Мама – учитель математики, завуч в школе. Пышная красавица с рыжими кудрями, зелеными глазами и очень белой, почти прозрачной

кожей. На щеке мамы можно увидеть веточку венку. Мама очень трогательная, она любит рюши на платьях, духи Дзинтарс и туфельки на тонкой шпильке. Мама Вита, одетая в шелк и крепдешин, такая воздушная, ранимая и слабая. Ну, а какой еще можно быть рядом с таким мужем. Папа – полковник. Командир части, строгий, и не всегда справедливый, Василий Петрович. Единолично и безапелляционно принимающий все решения в доме.

Папа исключительно по своему усмотрению распределял семейный бюджет и планировал географию отпусков. Он, проводил много времени на службе и редко бывал дома. От папы всегда хорошо пахло чем-то надёжным и родным: смешением одеколона Шипр и запахом кожаной офицерской портупей.

Отец воспитывал Аннику как бойца. Он так и называл ее: «боец Анника». Воспитание было почти спартанским, складывалось впечатление, что папа растил не девочку, а мужественного и отважного воина. Явное и жесткое подавление личности. Он, наверное, по-другому просто не умел.

На плечах бойца Анники с семи лет была ручная стирка, уборка квартиры и маленький братик Володька, которого родители родили, по всей видимости, для неё. Потому что на Володьке папина воспитательная тактика не отрабатывалась.

Основой воспитания был физический труд. Особенно сложно было стирать постельное белье. От стирки ломила спина. Подросток Анника замачивала, кипятила и выполас-

кивала белье в ванной, после с трудом отжимала. Самостоятельная девочка, со стёртыми от ручной стирки костяшками пальцев, специальным приспособлением – палкой с гвоздем подтягивала веревки для сушки белья, становилась на стульчик, опасно перегибалась с балкона на улицу до пояса, и вывешивала тяжелые пододеяльники на просушку. Самое удивительное, что вся эта история абсолютно никого не смущала. Ни родителей, ни соседей, ни саму Аннику. Глажка, разумеется, тоже была на ней.

А еще она водила в садик Володьку. Родители были очень заняты. У мамы была школа и тетрадки. А у папы – целый полк.

Папу лучше было вовсе не беспокоить своими мелкими проблемами. Однажды Анника подошла к отцу с задачей по геометрии. Задание было по 27-му параграфу учебника. Отец открыл учебник с первой страницы, и скомандовал: «Дочь! Кругом, шагом марш! Изучай с первого по двадцать седьмой параграфы учебника, если опять не поймешь, как решать задачу, подходи, разберемся». С тех пор Анника к отцу за помощью в учебе не обращалась.

Таким Анника помнит свое детство. Она обожала строгого отца и тихонечко презирала мать за ее слабый характер и полноту.

В университетские годы Анника была влюблена, весела, беззаботна. Она училась в Москве и жила в общежитии. Ее

возлюбленный Артём учился в Питере. Выходные они проводили вместе. Мотались друг к другу по очереди. На втором курсе поженились. Учились и работали. Взяли в Питере квартиру в ипотеку. Артём на счастье был верным, любящим и трудолюбивым мужем. Он умел делать своими руками абсолютно всё. В доме у них все было в порядке, все доведено до ума.

К тому моменту, когда Анника заканчивала университет, отец уже уволился из армии. Из полковника он превратился в обычного военного пенсионера, получил от Министерства обороны трехкомнатную квартиру в хорошем районе Москвы, целых сто квадратных метров.

Володька поступил в Московский авиационный институт, но вылетел за разгильдяйство сразу же с первого курса. Отец пристроил его на ракетный завод слесарем. Оттуда Володьку вскоре тоже попёрли за прогулы и любовь к спиртному. Еще несколько раз, благодаря старым связям, отец устраивал Володьку на работу в разные места, но парень беспробудно пил, пропадал на недели, связывался с себе подобными. Однажды Анника с отцом объединились и заставили Володьку закодироваться от алкоголизма. Скинулись деньгами. Но на пользу это мероприятие никому не пошло, через пол года все стало на прежние рельсы. Денег было потрачено немало. Мама отстраненно вздыхала.

Раз в три месяца Анника ездила к родителям на выходные. Выдраивала всю квартиру, перестирывала накопившее-

ся грязное белье. И, что самое неприятное, выносила пустые бутылки с балкона. Батарея из бутылок с каждым приездом становилась больше.

Родители начали спиваться. Вернее, очевидно было, что спивалась Витуля, а папу это, по какой-то причине, устраивало. Поначалу он пил вместе с матерью. Каждый вечер за ужином родители выпивали бутылку водки, и часами выясняли отношения. Все пытаюсь найти виноватого в ситуации с Володькой.

А однажды отец взял себя в руки и остановился. А Витуля – нет. Мама продолжала пить.

– Да, Бог с ними, – думала Анника, – пусть как хотят.

Как-то вечером позвонила мама.

– Папа собрал вещи и ушел к другой женщине, он встретился с ней 10 лет! Витуля рыдала в трубку, – сделай что-нибудь, дочь! Верни его домой! Я умру без него!

Аника папу не осуждала. На маму давно было уже жутко смотреть. Она стала худющая, высохшая, на тонких негнущихся ногах и с болтающейся головой, как у китайского болванчика. Женщины алкоголички любого возраста и любой национальности становятся похожи, словно родные сестры. Их можно узнать со спины. Даже когда они пока еще опрятно одеты, и не выпали из социума, пьяниц видно невооруженным взглядом. Мама Вита стала одной из них. Отвращение и горечь, вот и весь спектр эмоций, которые испытывала Анника, смотря на свою мать.

Шли годы. У Анники и Артема родились двое детей с разницей в полтора года, мальчик и девочка. У них была счастливая и крепкая семья. Хорошие заработки, ремонт в квартире, поездки к морю, совместный досуг.

Отец совсем отстранился от семьи. Ему постепенно стали не нужными проблемы и радости детей, не интересными внуки. Складывалось впечатление, что он начисто забыл обо всех. О Витуле, Володьке и бойце Аннике. Он перестал звонить. Какое-то время, сразу после ухода, он ежемесячно отправлял маме деньги, возможно, чувствуя перед ней вину за предательство. Через какое-то время он перестал обеспечивать Витулю, переложив эту обязанность на плечи Анники. Мама с Володькой создали кружок по интересам, они выпивали вместе, регулярно умудрялись брать кредиты и не платить за коммуналку.

– Ну, кто им дает кредиты, – возмущалась Анника, и тайком от мужа гасила займы дражайших родственников. С ровной спиной она принимала один за другим удары судьбы.

Новая жена отца Наташа была маленькой женщиной, с короткой стрижкой. Шустрая и хозяйственная. Она шила, вышивала, разводила цветы, пекла пироги. Отец с женой раз в пол года отправлялись в путешествие по Золотому кольцу России на своем отечественном автомобиле. По итогам поездки Наташа высылала Аннике фотографии поездок. Таким образом, Анника хоть что-то знала об отце.

Все это время мама Витуля жила в мире пьяных грёз, она все ждала и ждала, когда Вася одумается и вернется. Володька дважды женился, родил девочку, потом мальчика, наконец, спился и повесился.

После похорон во время поминок отец позвал Аннику на кухню и безапелляционно заявил:

– Анника, мы продадим эту квартиру, купим матери однукомнатную и поделим деньги. У нас с Наташей ипотека. Я лично своим горбом заработал эту трёшку. Это моё решение и обсуждению не подлежит.

Боец Анника, недолго думая, резко ответила:

– Папа, у меня двое детей, ни о какой продаже квартиры не может идти речи. Хочешь, подавай на меня в суд.

Она развернулась и ушла. Потрясенный отец молча провожал её взглядом.

После этого разговора он взял паузу и вот уже несколько лет они не виделись и не перезванивались.

Она стала терпимее относиться к матери. Отправляла ей деньги, оплачивала счета за квартиру. Мама Вита, в свою очередь, старалась позвонить Аннике с утра, пока еще не заплетается язык. Они обе пытались научиться относиться друг другу по-родственному, начали чуть теплее общаться. Анника беспокоилась за мать, жалея ее. И уже совершенно иначе, с болью и сочувствием, смотрела на прожитую матерью жизнь глазами взрослой женщины.

Как-то раз раздался телефонный звонок. Звонила Витуля:

– Дочь, скажи мне, ты не забываешь держать ровно спину? Мы бедные, но гордые! Не забывай, что ты княжеских кровей, детка.

– Мам, ты что опять? – начала заводиться Анника.

– Ну, что значит опять. Я сегодня ни грамма в рот не брала. Я училась вязать, почти связала один детский носок, но у меня сломался пластмассовый крючок. Вот куплю новый крючок, и довяжу носочки внучке.

– Мама, носки вяжут спицами...

– Анютик, детка, я купила прекрасный детектив братьев Стругацких. Сегодня сяду читать.

– Мама, детективы писали братья Вайнеры. Стругацкие – фантасты.

Аника повесила трубку. Опустошенная она прислонилась к стене. По щекам текли слезы.

– Держи спину ровно – шептала себе Анника. – Чтобы не случилось, всегда держи спину.

Велихан

Вы когда-нибудь слышали теорию, о том, что женщины с именем Зоя, обычно несчастные матери-одиночки?

12 лет назад я, беременная дочерью, лежала на сохранении. Тогда беременных укладывали в многоместные палаты с разношерстными пациентками гинекологического отделения. В одной палате могло размещаться до восьми женщин. С нами лежала Зоя. Взрослая, как мне тогда казалось, женщина лет пятидесяти. С чисто русской внешностью. Открытый взгляд голубых глаз, бледная кожа, русая коса, встревожено вскинутые брови. Высокая, статная, чуть полноватая. Открытая и простая в общении.

Каждый день, ближе к вечеру, она начинала прихорашиваться, то и дело, посматривая в окно. К ней приходил посетитель, которому она была очень рада. Её щеки розовели, глаза наполнялись светом и теплотой.

Однажды вечером Зоя рассказала нам свою историю своей неземной любви.

Она работала в столовой войсковой части. В кавалерах отбоя не было. Вокруг крутились поклонники – военнослужащие всех чинов и рангов. На тот момент она была разведена, с четырехлетней дочерью на руках, еще молода и красива, но уже опытна и осторожна. И что самое главное – с огромным любящим женским сердцем в груди.

В войсковых частях считалось вполне нормальным заводить быстротечные романы в рабочее время. Служба, как говорится, была трудной, но интересной.

Был у нее постоянный воздыхатель – прапорщик вещевого службы Равиль. Женатый, с двумя детьми, средних лет мужик. Он дарил Зое вафельные полотенца, а она ему тушенку и любовь. Все бы продолжалось, если бы в осенний призыв не привезли молодняк из Азербайджана.

В наряд по столовой стал попадать маленький щуплый кривоногий боец по имени Велихан. Несуразный, длиннорукый, с огромными черными глазами и каким-то тревожащим Зою магнетизмом. Его присутствие её волновало, внутри все теплело, гудело. Нерастраченная любовь пыталась вырваться наружу. Он практически совсем не говорил по-русски, от этого он казался ей трогательным и беззащитным. Зоя стала опекать мальчишку, в шутку называя его Великаном. Вскоре, все так стали его называть – Великан Мамедов.

В наряде по столовой можно было поесть от пуза. Кормили в те времена в армии неплохо. Суп, хлеб, салаты, сливочное масло, второе. Чай или компот из зеленой эмалированной кастрюли. А был еще праздничный обед: вместо компота – какао, печенье и варенные яйца.

От роты всегда оставались продукты. Велихан во всем помогал Зое, таскал тяжелые кастрюли, чистил овощи, нарезал хлеб и масло. Уставшие они садились пить чай. Зоя много

говорила, смеялась. Велихан слушал.

Тогда-то все и случилось. А потом случалось и случалось при всяком удобном случае. Равилю дали от ворот поворот. Зоя влюбилась. А Великан получал улучшенный рацион. Она дарила ему себя и кормила сгущенкой.

Время течет, служба идет, дембель приближается с каждым новым днем. Зоя не могла даже представить, как отпустит его, своего Великана. И приняла решение. Он останется на сверхсрочника. Станет жить, понятное дело, у нее. Может быть, и женится, тьфу, тьфу, всякое бывает. Не такая уж великая у них разница в возрасте – 10 несчастных лет.

Уговаривать и убеждать Великана остаться пришлось долго. Дома его ждали родители. В советском Азербайджане сыновей женили сразу после армии. Велихану давно присмотрели невесту из соседнего села.

Каким уж образом Зое это удалось, но он остался. Служил сверхсрочником, учил русский язык. Она учила его читать и писать по-русски. Он был усерден и прилежен. К Зоиной дочери Маше Велихан относился очень хорошо. Добровольно возложил на себя все обязанности по воспитанию девочки. Когда Маша болела – он не спал вместе с ребёнком. В школу, из школы – возил и забирал только Великан. Так они и жили. Зоя, Великан и Машка.

Через 10 лет, когда Велихану было уже 30 лет, Зоя предложила ему попробовать поступить в университет на юридический факультет. Ну, заочно, разумеется. А чем черт не

шутит. Они собрали деньги на учебу. Велихан поехал поступать. Он поступил в университет на заочный факультет, учился платно, контрольные и курсовые писали вместе. По окончании университета, путем магарычей и благодаря связям, Велихан Мамедов получили звание лейтенанта. Поздновато, конечно. Ну, ничего. Офицеры над ним усмехались за спиной. Но им не понять, Велихан будет лучше и успешнее. Он усердный. Зоя это знала.

Прошло время, он стал юрисконсультom части, дослужился до майора. Жили крепко, спокойно, надёжно. Вот только не женился он на ней. Боялся огорчить родителей. А родить она так и не решилась.

Велихан приосанился, отрастил живот, стал уже не такой страшенький, как в юности. Каждый год он ездил в отпуск к родителям, приезжал хмурый, ничего не рассказывал. Но она все знала сама.

Маша выросла, окруженная родительской любовью. И что самое главное – с поддержкой отца. И, еще какого отца! Он за неё был горой в любой ситуации.

Хорошо подумав, Зоя приняла тяжелое для себя решение. Наступила пора его отпускать. Они проговорили всю ночь. Он плакал, пуская слюни. Но Зоя была – кремень. На следующее утро Великан с почестями был выпровожен за дверь в офицерское общежитие. Вещи решили не делить.

А через пол года он привез жену из Азербайджана. Кра-

сивую девушку с огромными глазами, точенной фигурой и восточной покорностью во всем облике.

Велихан познакомил Зою с женой. Что уж он там врал жене, никто не знает. Все знакомые деликатно молчали, а жена жила спокойно. Без претензий. Она родила Велихану одну за одной троих девочек. Причем все они были неказистые и не красивые, как отец. Он регулярно по выходным, а иногда вечерами в будни навещал Зою и Машу. С полным пакетом гостинцев он приезжал в свою «старую» семью. Посидев на кухне, в привычной обстановке, выслушав все новости, отправлялся в «новую».

Маша вышла замуж. Велихан гордо присутствовал на свадьбе как посаженный отец. Подарил приличную сумму денег. Все свои проблемы Машка, по-прежнему, решала, в первую очередь, с ним.

Зоя, оставшись одна, быстро состарилась и заболела поженски. Ей все вырезали. Просто все. От заместительной гормональной терапии становилось только хуже. Она почти месяц лежала в гинекологии. И Великан каждый вечер после работы бежал к ней. Они подолгу общались, медленно прогуливаясь по больничному скверу. О чем можно было гулять два часа кряду, известно только им. Видимо, им было хорошо рядом. Возвращалась она счастливая и с трепетом рассказывала нам новости, услышанные от Велихана.

Эта история совершенно стерлась из моей памяти. Изред-

ка я видела Велихана с женой и детьми на рынке или в магазине. Он стал большим начальником, работал в мэрии. Его жена расцвела еще ярче. Нарядная, ухоженная, вся в золоте, в косметике и парфюме, стала немного полнее, но, не менее приятнее, чем в молодости. Велихан имел жуткий вид. Толстый, рыхлый, с отдышкой и тяжелым дыханием. И такие похожие три нарядные девчухи с кудряшками вышагивали рядом с родителями. Вполне нормальная семья нашего времени. Образцовая, даже в каком-то смысле. Как-то раз одна знакомая сказала мне, что видела его в ресторане в VIP комнате с молодой и красивой женщиной. Не с женой. То есть, вот такой «разносторонний» Велихан.

Моя дочь попала в больницу случайно, потянула шею на тренировке. Нужно было подлечить, и ее положили в детское отделение той самой больницы, где я лежала когда-то беременная ею в гинекологии. Навестив ребенка, я быстро неслась на работу.

Навстречу мне по больничному скверу медленно приближалась необычная пара. Высокая, немолодая, седоволосая женщина опиралась на руку грузного низкорослого мужчины. Даже при дальнем рассмотрении, был очевиден диссонанс этих двоих. Подойдя к ним поближе, вначале я узнала Велихана.

И тут поняла, что под руку он ведет совсем старенькую Зою. Они шли очень медленно, он бережно вел её, что-то тихонечко рассказывал ей на ухо. Она нежно улыбалась сво-

ему Великану, внимательно слушая и качая головой.

Я долго смотрела им вслед, ощущая какую-то горечь, как от прочитанной книги с грустным концом.

Двое на крыше

Адреналиномания – это страсть к опасностям и риску. Это преодоление чувства страха перед повышенной опасностью для жизни в состоянии азарта. Принято считать, что безрассудное поведение и бессмысленная храбрость мужчин-экстремалов привлекают женщин. А безрассудное поведение женщин во имя любви навряд-ли будет когда-то оценено по достоинству мужчинами.

Конец 1994 года. Ника в этом году заканчивает школу. Родители уже все тщательно продумали. После окончания школы она уезжает в Санкт-Петербург, поступает в университет на юридический факультет. В Питере живет любимая бабуля. Мамина мама. Педагог всея Руси с 40-летним стажем. «Бабуся-Ягуся» – так за глаза называет её Ника. На бабушку можно положиться. Она лучше, чем кто-либо присмотрит за внучкой. Да, и бабуле будет веселее, после смерти деда она совсем одинока.

У Ники, как часто бывает, никто согласия не спросил. А у неё совершенно другие планы на будущее. Пока она не станет говорить о них строгой маме. А отцу и без неё всегда некогда. Он чиновник, работает в администрации района. Очень важный и всегда занятой человек.

Никуся – тонкая, звонкая, совершенно обычная девочка. Дома её любят и балуют. Можно сказать, ей много позволя-

ется. Ника ярко красится, еженедельно меняет цвет волос, то и дело прокалывает себе новые дырочки в ушах.

Она влюблена. Без памяти влюблена! Иван – студент второго курса авиационного института, изучает летательные аппараты. Мальчик из хорошей семьи. Его отец – зав кафедрой, а мама – невероятная красавица и известная исполнительница (в узких кругах) популярных романсов. Иван мужественный, крупный черноволосый парень с красивыми карими глазами, длинными ресницами, смуглой кожей и белыми зубами.

Ника боится даже моргнуть, когда смотрит на него. У него такие красивые пухлые губы, длинные ресницы. Вдруг она закроет глаза, откроет – а он исчезнет. Любовь Ники трогательная, нежная, тревожная и радостная. И что самое удивительное – взаимная! Ника теперь не ходит по земле. Она летает и светится от счастья. Каждую минуту думает о нем, постоянно норовит вырваться из дома. Нужно бежать, нестись, мчаться, лететь. К нему, вопреки всему: предстоящим выпускным экзаменам, грядущему поступлению, запретам отца на вечерние гульки. Под любым предлогом Ника убегает из дома. Ведь за углом дома, в тенечке под деревом каждый вечер её ждет Иван.

Он прекрасен. Он так хорошо играет на гитаре, вокруг него во дворе собирается много ребят. Они от души голоса под его аккомпанемент:

«Может близко, а может далеко, одинокая верба цветет.

Никакая на свете дорога не сведет нас с тобой, не сведет!
Только сердце тук, тихо-тихо тук, повторяет любя!
Не забуду тебя, не забуду тебя, не забуду тебя...»

Ваня отдает гитару ребятам, отзывает Нику, и они подолгу катаются на мотоцикле ЯВА по вечерним пустеющим дорогам. Мотоцикл басовито рычит и уносится вдаль за город. От восторга и страха в теле появляется неуправляемая дрожь. Накатавшись вдоволь, ближе к ночи, они оставляют мотоцикл в гараже. Запах мотоцикла – запах любви и свободы. Он прилипает к коже, остается в носу. Даже когда Ника возвращается домой и ложится спать, она вдыхает запах масла и улыбается.

Из гаража идут пешком, взявшись за руки, притихшие и усталые. Идут медленным шагом, смеются, болтают. Как же хорошо и свободно дышится. Вот и Никина девятиэтажка. Расстаться сразу совершенно невозможно. Они забираются на крышу. Садятся на парапет, берутся за руки, свешивают ноги, целуются и строят планы. Ей нужно подтянуть физику, а по окончанию школы она поступит в его институт. Как только ей исполнится 18 – они поженятся. Иван заработает много денег, он что-нибудь обязательно придумает. Они получат дипломы, уедут жить в Испанию, купят красивый дом на побережье. У них родится четверо детей. Впереди ждет очень долгая, счастливая жизнь вместе.

Сидеть на парапете крыши безумно страшно. Темное небо и яркие звезды создают мистические декорации и ощущение

бессмертия. Ника тесно прижимается к Ивану, ноги и руки становятся ватными, сердце глухо стучит в висках.

Иван отпускает ее руку, залезает с ногами на парапет крыши, широко раскидывает руки и кричит: «Ника!!!!!!!!!!!!!!».

Ника закрывает лицо руками и шепчет:

– Пожалуйста, никогда, никогда больше так не делай!

Он хохочет, спрыгивает на крышу, хватая Нику на руки и сильно кружит ее.

Риск, страх, адреналин, любовь. Ничего более грандиозного и волнующего Ника в своей жизни больше никогда не испытает.

В 9 утра мама разбудила Нику со словами:

– Дочь вставай, мне нужна помощь. Я сейчас уйду на работу, на пару часов. А тебя попрошу быстренько прибраться. Нам с тобой до обеда нужно сходить на рынок, купить тебе удобную закрытую обувь и теплую куртку. В Питере хоть и лето, а погода непредсказуемая.

Вставать не хочется. Потянувшись, Никуся в пижаме ползет в ванную. Смотрит на себя в зеркало. Ах, какая же она стала красавица. Приятные мысли роем кружатся в голове. Никуся включает длинный, черный двухкассетник, и, пританцовывая, принимается за уборку.

Короткий звонок в дверь. На пороге стоит Ваня, он взъерошен, взволнован, не совсем опрятен. Он явно не при-

нимал душ и не ложился спать со вчерашнего вечера. Ваня протягивает ей завернутый пакет.

– Никусечка, спрячь, как следует. Не разворачивай, не смотри. Я потом все тебе объясню.

Иван крепко обнимает Нику и убегает. Ника сует пакет под ванну, занимается уборкой и напрочь забывает о произошедшем.

Она вспомнила о странном пакете только вечером, и то, потому что Ваня не пришел. Никуся долго сидела под домом на трубе в компании их общих друзей, ожидая его. Стемнело, на небе появились яркие звезды. Каждый, кому не лень, спросил её:

– Где Ванька?

Стало невозможно отвечать всем на один и тот же вопрос, пожимать плечами и притворяться безразличной. Ника забралась на крышу, села на парапет и вслушивалась в рёв каждого проезжающего в ночи мотоцикла. Осознав, что сегодня уже его не увидит, она пошла домой, легла лицом в подушку, прогоняя от себя страшные мысли. Ночь прошла в нарастающей тревоге.

На следующий день ближе к вечеру Ника возвращалась из магазина. Выше этажом кто-то тихонечко насвистывал мелодию: «Только сердце тук, тихо-тихо тук, повторяет любя». Это была их песня! Ника взлетела на лестничный пролет выше. Иван улыбался, но был как-то рассеян. На все расспросы, пытался отшутиться. Сказал, что немного приболел, что

скоро они уедут, и все будет очень хорошо.

Следующие две недели они виделись редко. У Ники начались выпускные экзамены, подготовка занимала много времени. Иван иногда приходил, брэнчал на гитаре, и через час пропадал. А однажды он пропал на целых два дня. Мир окрасился в черно-белые тона. Тревожное ожидание чего-то плохого превратилось в невыносимое, тягучее, вязкое.

Вечером, во время ужина, когда все были дома, раздался звонок. В квартиру вошли несколько человек, представились оперативниками. Пригласили двоих соседей в качестве понятных. Прошли в ванную, как-то сразу же нашли Ванин пакет. Достали из него пачки сто долларовых купюр, разложили их на кухне, пересчитывали, долго описывали. Приглашенные соседи – понятые с любопытством и презрением поглядывали на хозяев квартиры.

Запоминают детали – подумала Ника, – чтобы потом было о чем потрепаться за нашими спинами.

Мама побелела, папа схватился за голову руками и совсем сник.

Оперативники оставили повестки. Утром следующего дня Нику с отцом приглашали в милицию на допрос в качестве свидетелей.

В ту самую минуту в жизни Ники и всей ее семьи начался круговорот жутких событий. В милиции им рассказали, что Иван с однокурсником совершили дерзкое разбойное нападение на известного в городе валютчика. Вломились в квар-

тиру. Связали их с женой, напугали, угрожали. Вынудили отдать деньги, которые хранились дома. Не много не мало, а 200000 долларов.

А потом Ваня поступил не менее бесчеловечно. Он принес эти деньги Нике и попросил ее спрятать их у себя дома.

Вскоре после этой истории отцу Ники пришлось уволиться, кому нужен чиновник с запятнанной репутацией. Нику спешно отправили в Питер к бабушке.

Перед отъездом она тайком забежала к Ваниной маме. Они сидели в красивом интерьере богатой квартиры на длинном белом угловом диване. Ванина мама – величественная, яркая, блондинка, с высокой прической, показывала Нике его детские фотографии.

Мать гладила пальцем его детское личико на фото и вдруг категорично заявила:

– У Вани отклонение поведенческое с детства. Вы об этом знаете, милочка? Он с детства отличался крайне энергичным характером, был трудноуправляем и любил риск. Вы не думайте, что он преступник! Нет! Он – индивидуалист, у него своя система ценностей. Волноваться или беспокоиться о других ему несвойственно, ему никто не нужен! Главное адреналин, который он чувствует во время опасности. Главное адреналин!

– Вы понимаете меня? – она тряхнула Нику за плечи и пристально посмотрела в ее глаза.

– Так было всегда, с того момента, как он начал ходить. Это мой сын. Мне и жить с этим всю жизнь. А вы ступайте, живите своей жизнью. Забудьте его.

На следующий день Ника улетела в Питер, поступила в университет, жила у Бабуси-Ягуси, и старательно пыталась все забыть. Иногда ей казалось, что она видит знакомый силуэт на улице. Она жмурилась. Заслышав звук мотоцикла, закрывала уши руками. И долго стояла, не дыша, чтобы не вдохнуть запах мотоцикла: масла, бензина, мазута, а по сути, запах любви и свободы.

Ваню посадили на 8 лет. После приговора и этапирования, его родители уехали в маленький южный город Железноводск, спрятавшись там от стыда и горя. Мама пела романсы отдыхающим в санаториях Ставрополя. Отец ослаб здоровьем и в течение года умер.

Вскоре Ника вышла замуж за молодого лейтенанта. Буквально за первого, кто позвал её замуж. Хороший, интеллигентный парень по фамилии Белов показался ей надежным, настоящим и правильным. Ника перевелась на заочное отделение университета и уехала с мужем на Север. У них родились трое детей. Хорошие красивые детки. Девочка и два мальчика. Воспитанные и талантливые. Заботливый муж – всегда рядом. Время с появлением детей ускорилося. Дочь занималась спортивной гимнастикой. Мальчики ходили в детский сад. Ника целыми днями занималась тем, что

отвозила, забирала, стирала, гладила. А вечерами йога для себя, для красоты тела и спокойствия души. Она была хорошей матерью и женой.

Мысли об Иване Ника спрятала далеко в сердце в маленький сундучок под семью замками. Иногда, укачивая маленького сынишку, Ника тихонечко пела ему вместо колыбельной:

– Только сердце тук. Тихо-тихо тук, повторяет любя, не забуду тебя, не забуду тебя, не забуду тебя...

Хрупкая рыжеволосая Ника металась по квартире из угла в угол. Ей только что позвонила женщина, представилась любовницей мужа и сказала, что они встречаются 4 года, и она ждет от него ребенка. От её мужа – ждет ребенка! Ника не находила себе места. Как же так. Она лучшая жена и мать. У нее идеально чисто, всегда наготовлено. Она ухоженная и подтянутая, ходит в парикмахерскую, занимается йогой. Успевает заниматься домом и детьми. Старшая Алинка – отличница, гимнастка. Мальчишки прекрасные голубоглазые блондинчики, похожие на ангелочков, а младшему всего-то два годика.

После того, как муж уволился из армии, и устроился в частную компанию, он стал зарабатывать хорошие деньги. Семья ни в чем не знала нужды. Ника, закончив университет, так никогда и не работала. Могла себе позволить. У них все было. Только с мужем они практически не общались, так по делу. О детях. О том, что необходимо купить. Он прихо-

дил, кушал, спал, переодевался и уходил. Господи, она совсем ничего не знает о своем муже. Кто он такой, чем он живет, и что у него там, в душе творится.

Услышав поворот ключа в замке, ни на минуту не колеблясь, Ника сделала шаг вперед.

– Белов, мне звонила твоя подружка. Она мне все рассказала, и про беременность тоже. Нам нужно решить, как мы поступим в дальнейшем.

– Ника, выслушай меня внимательно, я еще ничего не решил. Ты и дети – моя главная ценность, ради вас я живу. Я не хочу все вот так глупо взять и потерять. Но ее я полюбил. Мне нужно время, Белова. Дай мне подумать. Месяц, два. Мне нужно принять правильное решение в этой ситуации. Она однозначно намерена рожать, нам это нужно принять, как данность.

– Хорошо. Принимай решение. Только непременно правильное.

Ника удивилась своему неожиданно наступившему спокойствию, зашла в комнату дочери. Села с ногами на диван, обняла колени и заплакала.

На следующее утро она красивая, молодая и независимая стояла на контейнерной станции и оплачивала трехтонный контейнер до родного маленького городка, в котором прошло её детство, и в котором до сих пор жил её папа.

Теплое южное солнце палило вовсю. Люди с разгоряченными лицами медленно передвигались, стараясь поскорее зайти в тень. Под деревом стоял широколицый черноглазый мужчина. Он держал за руку белобрысого мальчишку лет двух с половиной и говорил:

– Сейчас дождемся маму с работы, пойдем домой, и она сварит нам борщ.

Навстречу им спешила Ника.

– Ребята, вы купили продукты? Давайте захватим с тренировки Алинку и поедем домой.

Они снимали двухкомнатную квартиру. Ника с тремя детьми и Иван Лебедев. Любовь всей ее жизни. К тому времени он условно-досрочно освобожден, окончил институт, и работал инженером в космической отрасли.

Несмотря на уговоры отца, Ника без раздумий упала в объятия любимого, доверив ему свою судьбу и судьбу своих детей.

Отец перестал возмущаться и что-либо вообще говорить Нике по поводу ее безрассудства, когда однажды увидел рядом Ивана и внучку Алинку, таких похожих, смуглых, с абсолютно одинаковыми черными глазами, обрамленными длинными ресницами и полными губами.

Всех, кто знал эту пару недавно и понимали, что Ника бросила мужа и приехала с тремя детьми, поражало явное сходство старшей дочери Ники с Иваном. Люди вглядыва-

лись в их лица, стараясь понять, что же такое могло произойти, и почему эти двое когда-то потеряли и только обрели друг друга.

– А виной всему та самая пресловутая адделиномания, черт бы ее побрал, – думала им в ответ Ника – Неизвестно чем и когда вся эта история закончится, но пока я счастлива.

– Да, кстати, мы планировали четверо детей, помнишь, Вань?

.